

ИЛЬЯ ВЕРИГИН

ТРА НСФ ОРМ АТО Р

или
Раскачивая
лодку

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

18+

Илья Веригин

**Трансформатор, или
Раскачивая лодку**

«Автор»

2020

Веригин И.

Трансформатор, или Раскачивая лодку / И. Веригин — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-95624-7

Герой этой книги совершает небольшой гражданский шаг, который неожиданно трагически сплетает вместе судьбы нескольких людей и порождает глобальные изменения в обществе. Эта история о простом современном человеке, его жизненной позиции и внезапной политической карьере с каждой главой все более и более приобретает черты остросюжетной драмы, заставляя попеременно сопереживать каждому из участников событий. Но рано или поздно им придется столкнуться друг с другом. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95624-7

© Веригин И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Веригин

Трансформатор, или Раскачивая лодку

От автора

Идея этой повести родилась в бессонную ночь после трагедии в «Зимней вишне» в 2018 году. Точно так же, как один из героев в завязке сюжета, я ощущал вселенскую боль внутри себя, думал о своих детях, о справедливости. А потому позволил себе пофантазировать об альтернативной истории, в которой мир трансформируется к лучшему – за счет людей и их человеческих качеств, окружающих нас цифровых технологий и, конечно же, всемогущего магистрата случая, который трагическим образом сплетает судьбы.

Глава 1

30 мая

Этот день начинался, как многие предыдущие. Но *всё же в этот день многое изменилось.*

Вышел из метро. Унылая толпа, прикрывшись зонтами, текла между нависшей последней майской тучей и холодным серым асфальтом, словно их ожившее порождение. Немногие позитивные желтые, красные и другие контрастные пятна курток стирались в ее пульсациях и завихрениях, отчего в душе пробуждалось какое-то неприятное, гнетущее чувство.

В полуподвале бара, наоборот, было тепло и уютно. Сквозь окно виднелись лишь мельтешащие подошвы этой серой действительности, с которых в образованную дождем мокрую взвесь то и дело растворялись комья ниоткуда, казалось бы, взявшейся грязи.

Вспоминалась клумба с газоном, которая примыкала к углу дома у метро и из-за своего неудачного расположения прямо-таки кричала прохожим: «Иди по мне!», чем многие незамедлительно и пользовались, ведь вираж в три метра был крайне неудобен в плотном людском потоке, а на красоту и то, что в эту клумбу зарыты их налоги, большинству было искренне плевать.

Такая постоянная экономия секунд была чем-то вроде городского, сугубо московского, вида спорта и сильно пакостила жизни города, проявляясь во всем: от личного хамства в толчеях и очередях, куда бы они ни стояли, до опасной агрессии на дорогах. Но такими были далеко не все...

По запотевшей стенке свеженалитого бокала стекла крупная капля, и теперь в ее следе виднелась армия крошечных пузырьков, радостно несущаяся вверх сквозь полумрак DIPA, навстречу искусственному солнцу над столом.

Глядя на эти пузырьки и образованный ими слой густой пены, Андрей думал, что надо бы, пожалуй, дожидаться определенной точки невозврата, в которой большинство – две трети или, скорее всего, около трех пятых населения научится безусловно уважать других людей и результаты их труда, а остальные вынуждены будут адаптироваться; что это нужно пропагандировать, как здоровый образ жизни. Интересно, когда мы до этого дорастем? – под обобщенным «мы» Андрей, естественно, имел в виду всю любимую, непонятную, красивую и противоречивую Россию.

– Никогда! – вдруг прозвучал громкий голос за спиной в такт звону колокольчика от захлопнувшейся двери. Волков, а сокращенно Волк, резким движением обогнул стол, приземлился на скамью напротив и, привстав, потянулся для приветствия.

– Привет, – Андрей пожал волосатую лапу, поднялся, опершись на нее, и похлопал друга по спине. – Ты о чем?

– Никогда этим... верить нельзя! – Волк вытянул левую руку и указательным пальцем, словно бог-отец с *La creazione di Adamo*, ткнул в сторону телевизора на ближайшей колонне: – Смотри! Внутренний враг не спит...

Звук был отключен, но новостной картинке, снятой на мобильный телефон очевидцем, было достаточно, чтобы понять масштаб трагедии.

На краю набережной стояла теперь ведущая в никуда, немного деформированная арка из частично лопнувших и сдувшихся белых и голубых воздушных шаров. Из воды, словно спина исполинского кита, не более чем на метр выступала изогнутая линия обросшего водорослями днища. В завихрениях ближе к берегу плавали немногочисленные деревянные обломки вперемешку с радужными пятнами и разной утварью, которой посчастливилось оказаться легче воды и не нуждаться в дыхании. С другой стороны корпус судна облизывало течение, которое уже давно вернуло реке аккуратный вид, подобающий гордой стихии.

Бегущая строка федерального канала была скупа: «...окончания школьного года... подтверждена гибель 19... 84 пропали без вести... уголовное дело».

– Понимаешь, – вступил Волк, – снова этого долбаного корабля-ресторана как бы нет. Стоит два года, а нет. Никто не выдавал разрешения, МЧС не проверяло, речники никаких предписаний не выписывали – это при местном-то паводке! Сейчас еще, как всегда, окажется, что собственника нет, и красота – НИКТО не виноват! Снова посадят спасателей за то, что не спасли...

Андрей промолчал. У него пока не было четкого собственного мнения, а в таких ситуациях он инстинктивно предпочитал для начала впитывать информацию.

– Надоело, – Волк отхлебнул из кружки бельгийского Tripel, который официантка принесла, среагировав на недавний взмах руки одного из постоянных клиентов.

– Детей жалко, – добавил Андрей, и друзья на время погрузились в молчание, уткнувшись в экраны телефонов. Говорить не хотелось.

* * *

Вся пятничная новостная сетка была посвящена вчерашней трагедии, задвинув на второй план даже внешнюю политику. На таком фоне и президента не покажешь...

Случай обсуждался на бизнес-встречах, совещаниях, перекурах. На телевидении и в интернете смешались обвинения, призывы, вбросы, конспирологические теории и немногие сухие репортажи так, что составить объективную картину произошедшего было крайне сложно. Наверное, от СМИ это и требовалось – размазывать внимание к отдельным персонам, в первую очередь ставленнику-губернатору и его команде. Чистую информацию, пусть и с налетом субъективности, можно было найти только в блогах-репортажах очевидцев, и ссылки на них абсолютно естественным образом, без поддержки армии ботов, быстро распространились по соцсетям и мессенджерам большинства живых и мыслящих людей. Да так, что даже голосовые помощники в смартфонах и колонках, – умные, но на тот момент, по большей части, отдающие приоритет частоте запросов и популярности мнений в интернете, – внезапно взяли открыто критиковать власть.

Вечером, после официальной пресс-конференции представителей МЧС и прокуратуры, пазл, наконец, начал складываться, и телевидение стало выводить в эфир все больше и больше подтвержденных фактов.

Плавающий ресторан появился в этих водах несколько лет назад, судя по всему, спасаясь от антидебаркадерной кампании в Москве или Санкт-Петербурге. Чем было это деревянное сооружение – баржей, гигантским баркасом или чем-то еще, теперь предстоит разобраться следствию, так как никаких записей о включении в судовой реестр, никакой информации о месте приписки или технических освидетельствованиях обнаружено не было. В конце концов «Венецию», в нарушение всех норм, намертво прикрепили между двумя винтовыми сваями в многолюдном центре города и дополнительно притянули канатами к кольцам на фасаде набережной в 900 метрах от площади, где расположена городская администрация и часть комитетов регионального правительства.

В четверг в 13:50 два автобуса привозят к ресторану выпускников двух девярых и двух одиннадцатых классов школы № 4. Еще столько же детей добирается самостоятельно или с родителями. После получаса официальных слов, вручения грамот и подарков от регионального министерства образования, на верхней открытой палубе с накрытыми столами проходит часовое stand-up-шоу от очередных резидентов. В 15:45 на внутренней палубе начинается диджейский сет и танцы. К этому моменту, по словам очевидцев, многие ребята уже пьяны, хотя на входе проводился контроль проноса спиртного.

В 16:17 происходит подрыв газового баллона в помещении кухни ближе к корме с обращенной к реке стороны корабля. Взрыв разбрасывает доски деревянных надстроек и образует массивную пробоину в борту, уходящую ниже ватерлинии, через которую внутрь начинает стремительно поступать вода. Полностью теряется «мертвое» крепление к задней винтовой свае, судно кренится на левый, дальний от набережной, бок.

256 человек, находящихся на борту, с криками бросаются на берег по узкому пятиметровому деревянному пирсу с перилами, подходящему к внутренней палубе справа рядом с носовой сваем. Из-за небольшой ширины помоста, ступеней и входных турникетов-вертушек, которые не сразу удается отключить, образуется затор. Администратор ресторана выбегает в числе первых. В это время звукотехник Михаил, которого СМИ сразу же нарекли героем, с кормы перекидывает на чугунные перила набережной запасной эвакуационный трап, – простую шестиметровую доску, которой едва хватает по длине, – и помогает выбраться по ней на берег примерно тридцати ученикам с верхней палубы.

Левый кормовой крен быстро усиливается, и спустя всего полторы минуты крепление к передней свае не выдерживает нагрузки. Судно с треском отрывается от пирса, ломая спасительные доски помоста, правый борт резко взмывает вверх на полметра, из-за чего практически вся плотная масса людей на палубах падает по диагонали назад. Семеро детей оказываются в воде между судном и берегом, но все успешно доплывают до остатков пирса. Запасной трап в это время чудом не срывается в реку благодаря нескольким мужчинам на набережной, ухватившим его конец.

Течение тут же упирает поднятый правый бок судна в переднюю сваю с остатками пирса и слегка сносит корму в сторону реки, давя на заднюю опору и растягивая задний швартовый канат до состояния звона.

Из-за этого обстоятельства и нарастающего крена длины запасного трапа практически сразу перестает хватать, но мужчинам удается еще около полутора минут героически удерживать его конец так, чтобы по очереди спасти еще одиннадцать детей. Мировые СМИ впоследствии облетел кадр огромного двухметрового массажиста Георгия, перегнувшегося через перила и в одиночку, со вспухшими венами на вытянутых руках, держащего конец сорокакилограммовой доски с бегущей по ней заплаканной девочкой в рваном праздничном платье.

Следующие две минуты, словно игрушечный кораблик, судно стремительно заваливается на бок, вода слева вплотную подбирается к сплошному остеклению нижней палубы и начинает сочиться внутрь. Выбраться по наклонному полу в сторону набережной с каждой секундой становится всё сложнее. Многие дети с верхней палубы и через открытые окна внизу прыгают в течение с внешней стороны в надежде выбраться на набережную или доплыть до ближайшего лестничного спуска к воде, который находится всего в 60 метрах вниз по реке. Это, казалось бы, небольшое расстояние становится решающим фактором большого количества погибших: покатые, покрытые водорослями гранитные берега уходят на глубину и не дают опоры, а в холодной воде немногим хватает сил справиться с удаляющимся от берега течением всё еще полноводной реки. На помощь детям прыгает несколько смельчаков с берега, как минимум двое из них также погибают.

Оставшиеся на нижней палубе, многие из которых находятся в состоянии алкогольного опьянения, в поисках спасения в панике бросаются в проходы по бокам, ведущие в кормовые кухонные помещения и ресторанные вип-каюты на носу. Выхода оттуда нет, выбраться можно только через символические окна-иллюминаторы, которые по большей части не открываются.

В этот момент набравший водную массу корабль продавливает боком кормовую сваю, на которую опирался, вырывая ее из грунта, обрывает удерживающие канаты, мгновенно достигает критического уровня крена, теряет остойчивость, взмывает вверх правым бортом и переворачивается. А затем в течение 40 секунд, фыркая фонтанами брызг, почти полностью скрывается под водой. Остается торчать лишь кусок мокрого днища и слегка показавшийся киль.

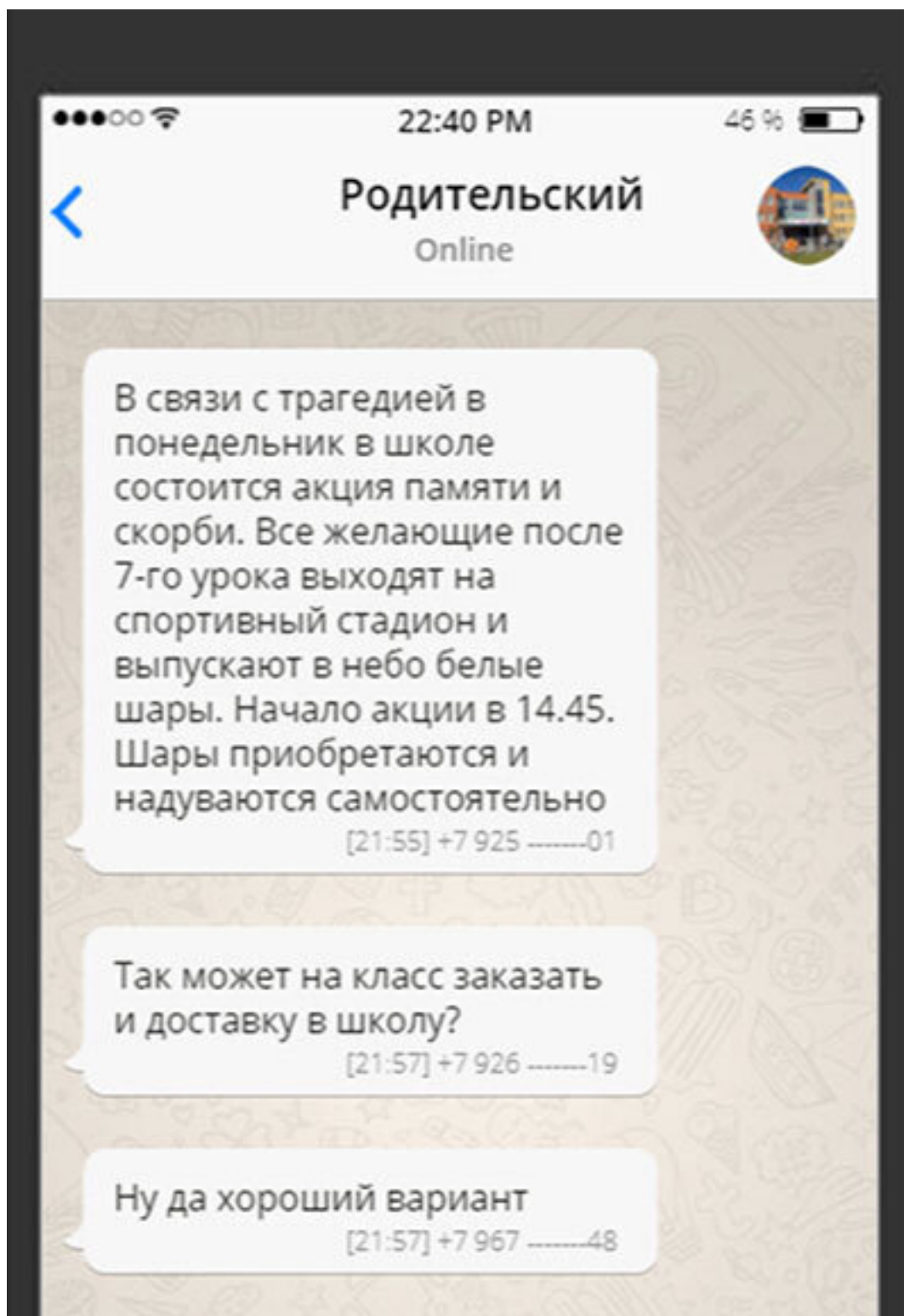
* * *

Уложив сыновей спать, Андрей помылся, залез под одеяло и постарался заснуть – мелкие всё равно разбудят рано, а после тяжелой и насыщенной рабочей недели с ранними подъемами по утрам и вечерними просмотрами сериалов нужно было выспаться.

Телевизор использовался в семье исключительно как большой монитор: взрослые смотрели новинки стримов и спортивные трансляции в HD-качестве приложений, мелкий Мишка – современные познавательные мультики, вроде «Фиксиков», старший Даниил – всё чаще передачи и каналы о природе и робототехнике на YouTube. Каким-то образом дети чувствовали, что может понадобиться в век стремительно меняющихся технологий, и машинально потребляли эти знания в удобной им на данный момент форме.

Андрей был рад, что они не видели и не осознали всего ужаса вчерашней трагедии, чего было бы не избежать, смотри они федеральные новости. Хотя, наверное, старший опосредованно видел, но или не придавал значения, или специально не стал показывать своего отношения, так как чувствовал, что это что-то неправильное, и родителей расстраивать вопросами на эту тему не хотел.

Чат класса говорил, что узнать все равно придется.

Чтобы участвовать, нужно
чтобы дети понимали, в
связи с чем эта акция

[21:58] Жена любим/М

Мне кажется, наши
маловаты для этого

[21:58] +7 926 -----93

Если учитель готов
рассказать, то можно

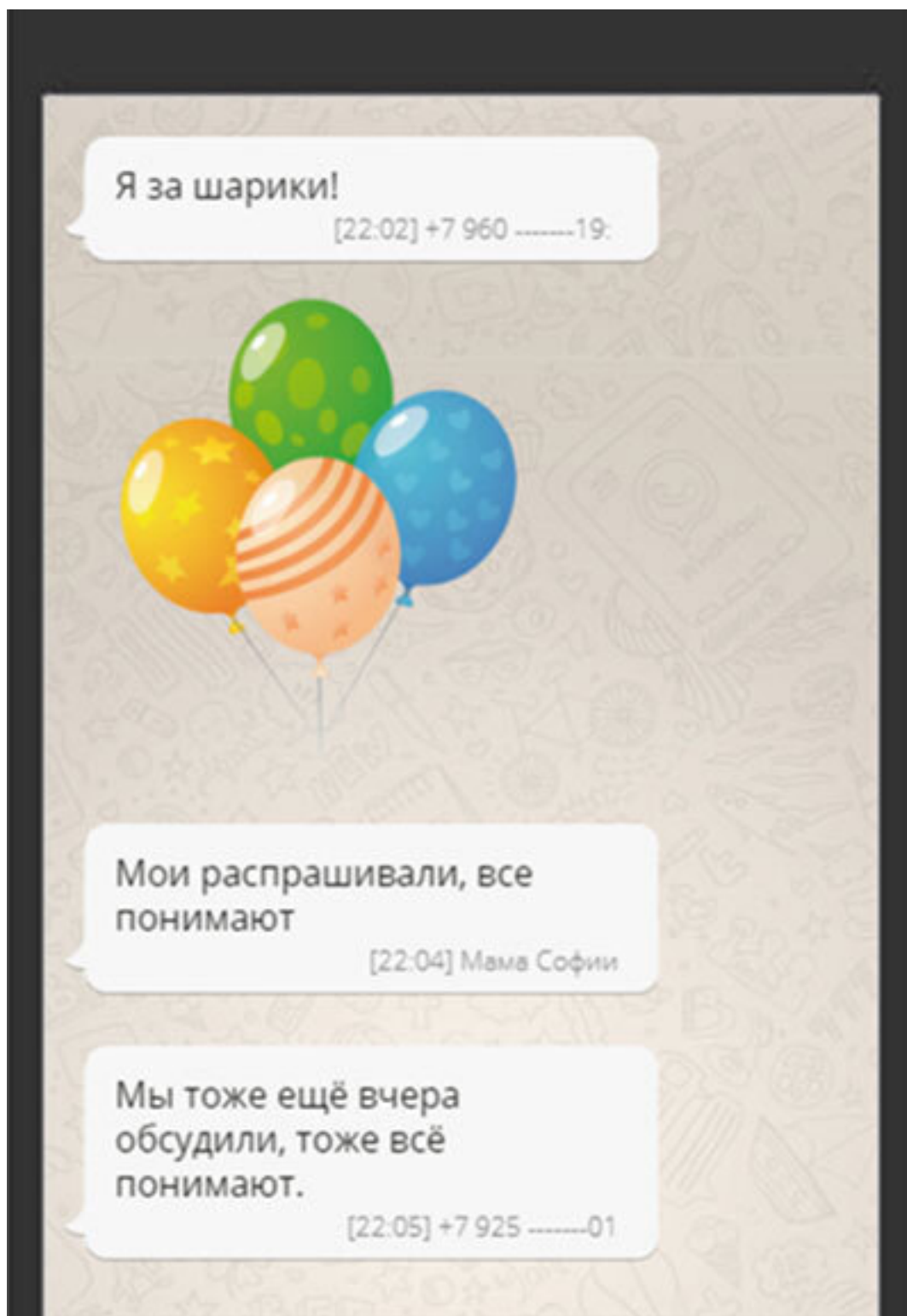
[21:59] Жена любим/М

Но рассказывать нужно
очень аккуратно

[21:59] Жена любим/М

Я думаю они уже понимают.
Я сегодня вечером смотрела
новости с ребёнком и он
понял, что произошло.

[22:01] +7 962 -----79

Заснуть. Заснуть! Мозг предательски проецировал и проецировал картину отчаявшихся детей. Что, если бы это были мои?! Что?! Из левого глаза вытекла слеза, медленно проползла по переносице, упала и растворилась в хлопке подушки. Правая рука машинально вытерла оставленный след, и тело перевернулось, вторя ее движению.

Нет, насколько же по-хамски ведет себя власть. Ощущение, что слова «чиновник» и «человек» стали антонимами, как будто высокая должность накладывает проклятье, убивая остатки света в душе. Ни одна сволочь не вышла и не сказала: «Да, я виноват. Судите меня,

люди!» Нет, что вы! С какого-то момента самолюбование собой и своей дутой значимостью дошло до такой степени, что «я» стало возможным употреблять только в позитивном ключе, когда надо возгордиться и взвалить на себя бремя успеха. В остальных случаях всегда фигурируют «он», «она», «они»... Слабаки! Андрея распирала злость...

Что, если б это были МОИ дети?! Что бы сделал Я? В этот момент Андрей перевернулся на правую сторону и твердо решил пойти на завтрашнюю демонстрацию, по стечению обстоятельств совпавшую с Днем защиты детей.

Перестать думать. Перестать думать. Переста...

Глава 2

1 июня

На этот раз власть согласовала митинг в центре Москвы, по Тверской улице, с размещением сцены в самом ее начале, на Манежной площади. Невиданная щедрость – то ли политические круги намеревались извлечь из мероприятия выгоду, то ли в мэрии остались небезучастные люди. Наш герой предпочитал, точнее, искренне надеялся на второй вариант.

Выйдя на Чеховской, он увидел огромную реку людей, медленно несущую свои воды вдоль полицейских ограждений в сторону Кремля, словно беспощадная орда, единственной целью которой, как и века назад, было разрушить стены этого основания российской государственности. Андрей постоял на ее берегу, раздумывая о перспективах выбраться за 2 часа и успеть съездить с детьми в зоопарк, как обещал, а потом сделал глубокий вдох, задержал дыхание и уверенно шагнул через рамку металлоискателя.

Спокойное плотное течение понесло. Кто-то регулярно толкал или наступал на ноги, но каждый раз слышались извинения. Было непривычно – в обычной московской спешке эта поведенческая норма атрофировалась – люди не слышали извинений и не считали нужным самим произносить важные слова. А здесь публика была хоть и разношерстной, но другой.

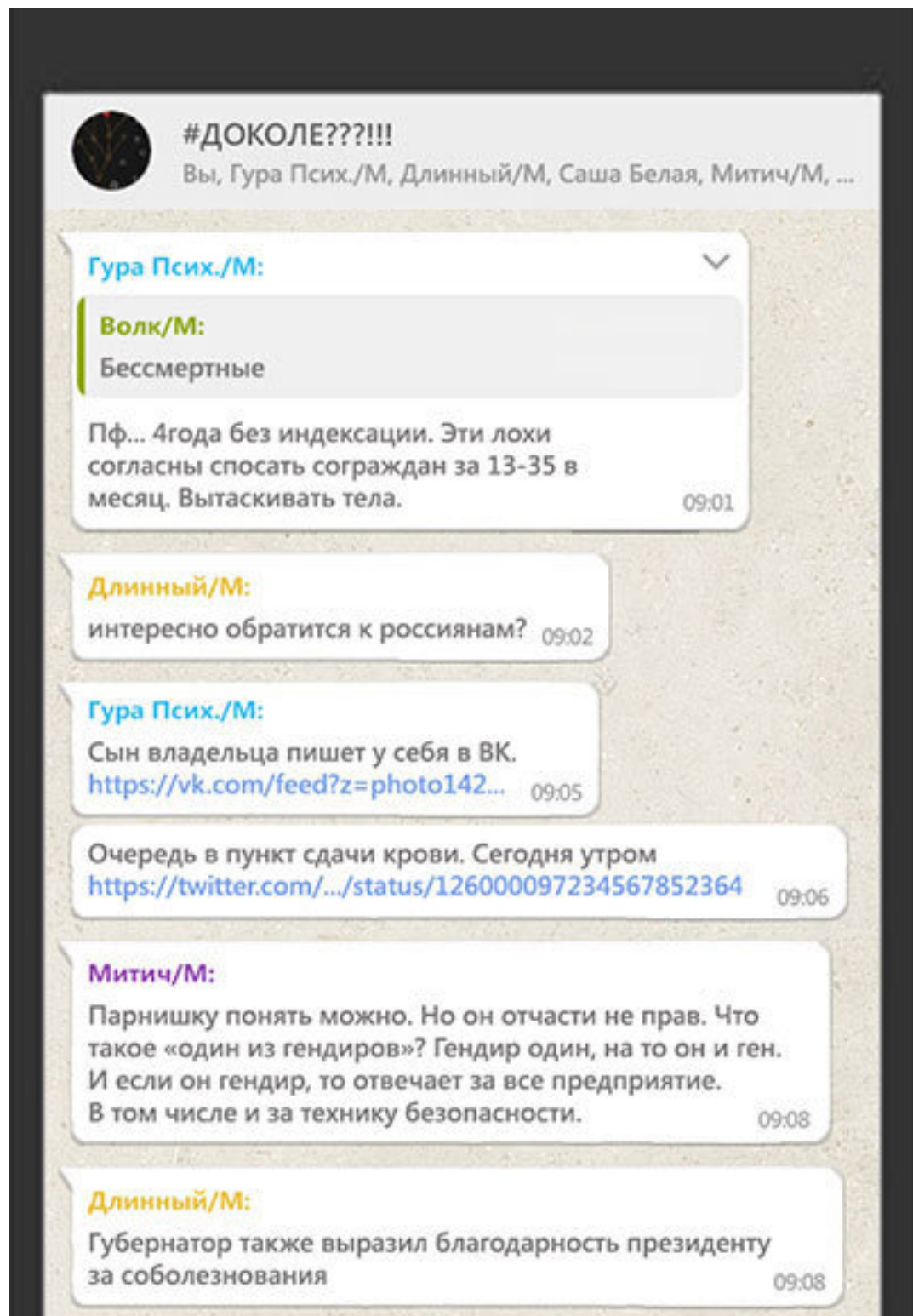
Соседом справа стал плотный бородатый мужчина лет 39 по имени Сергей, по внешнему виду подходивший устаревшему шаблону системного администратора, но, как оказалось, занимающийся мотивацией персонала. После знакомства с ним внимание переключилось на шедшую слева маленькую худосочную девушку с молодым человеком, которая оказалась как раз специалистом по ИВ и блокчейну и спокойно убрала вейп после замечания о дыме от идущего сзади пожилого мужчины с внуком. В свою очередь, из его разговора с соседкой стало известно, что зовут его Александр, он успел быть отправленным на пенсию в последний год перед повышением пенсионного возраста и теперь зарабатывает на жизнь изготовлением крафтовых деревянных разделочных досок, успешно попав в волну интереса к высокой кулинарии как хобби и продавая их по 5–15 тысяч рублей за штуку.

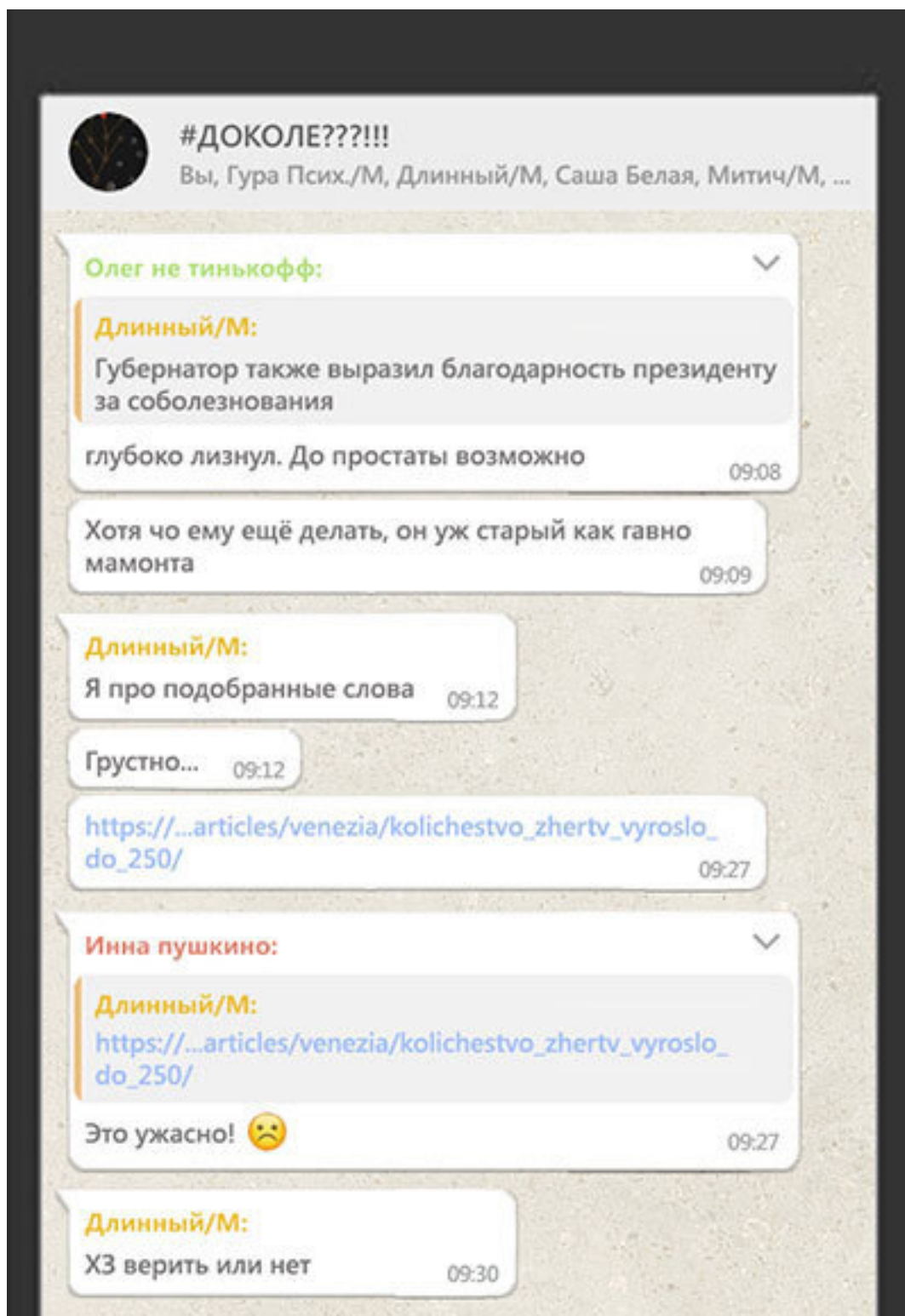
В такой приятной, пусть и отягощенной поводом, атмосфере, переговариваясь, компания прошла около 400 метров, пока Александру внезапно не стало плохо.

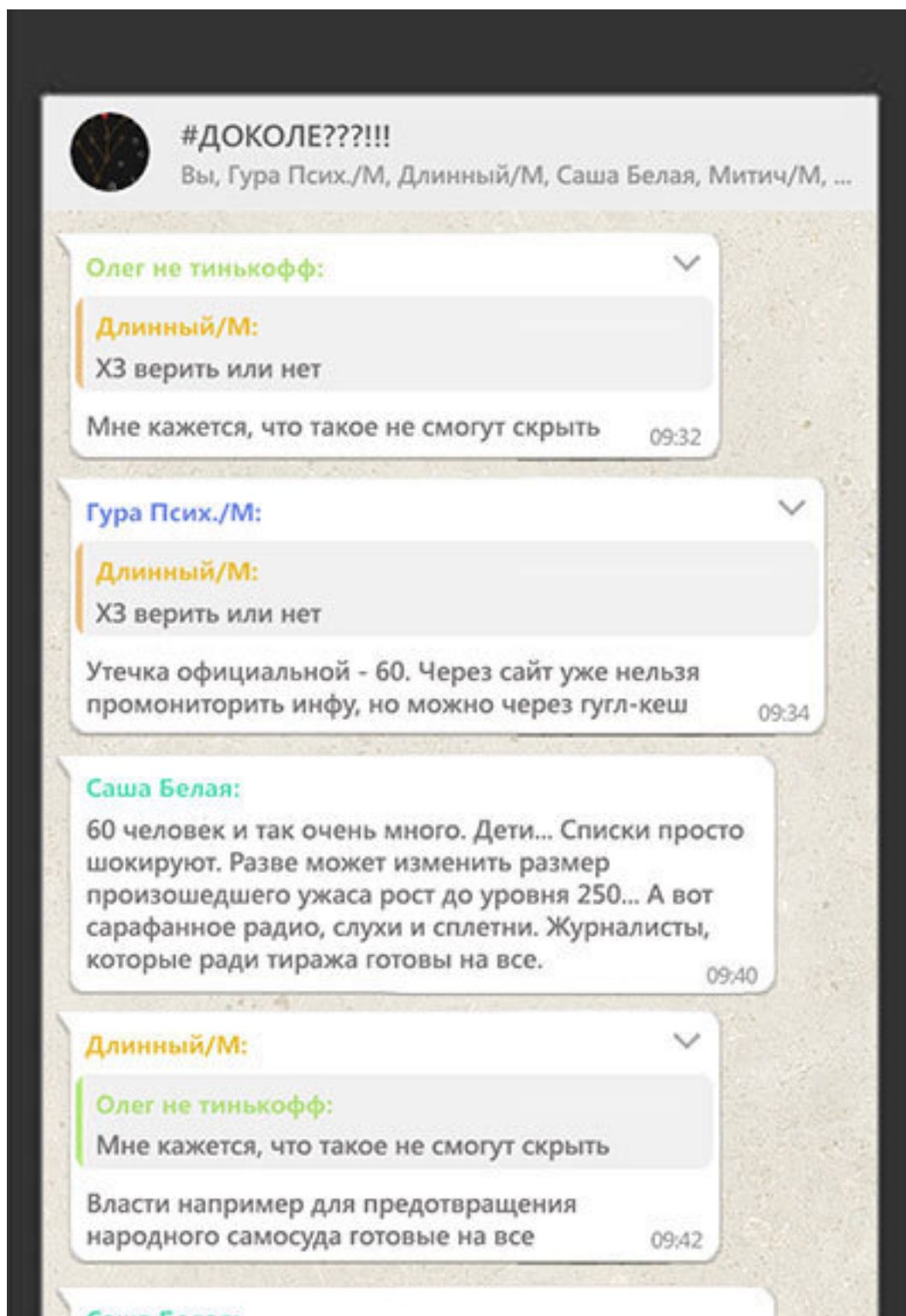
– Ничего страшного, просто чертово давление, – с придыханием произнес он, пытаясь рукой найти в воздухе точку опоры.

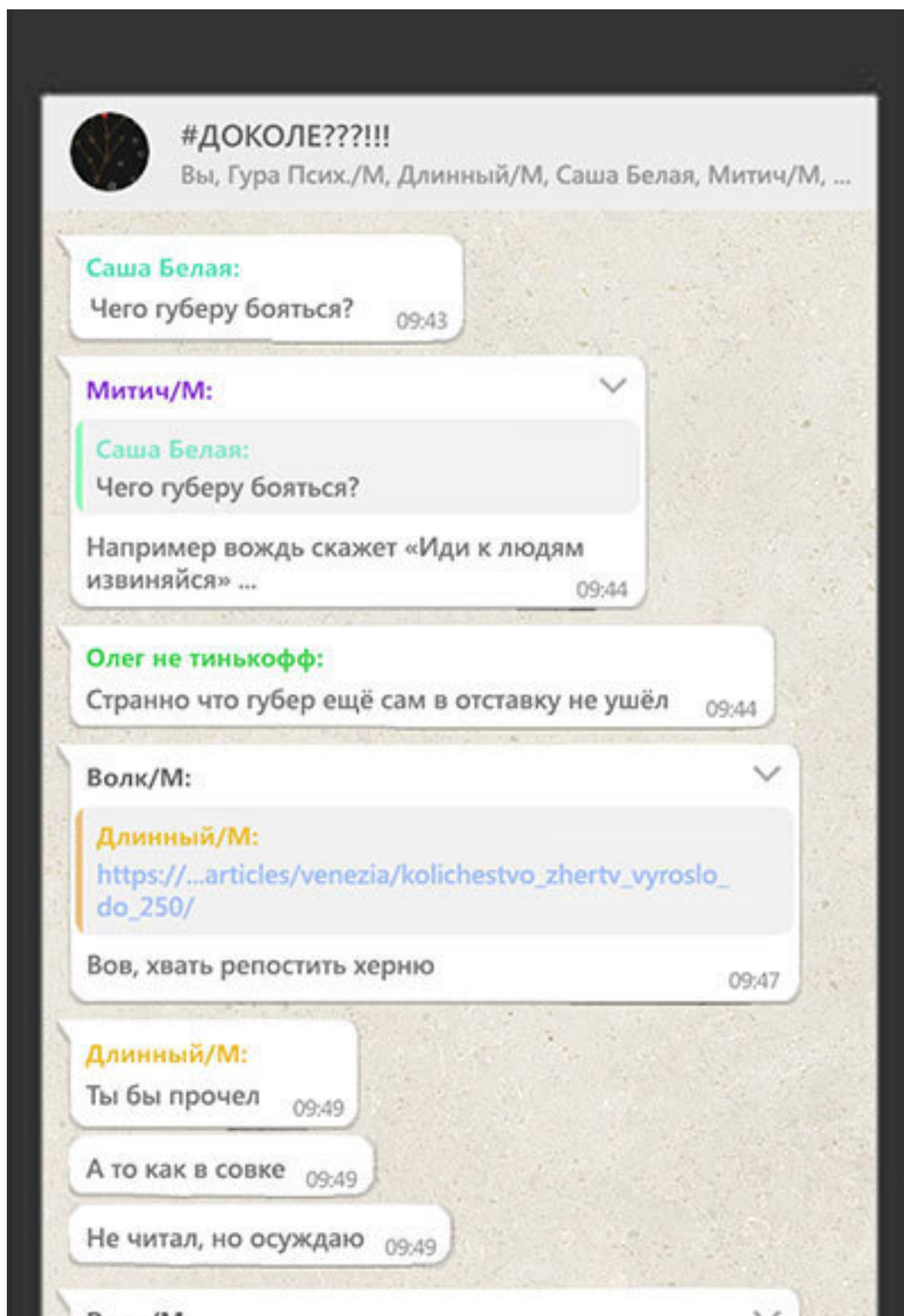
Его подхватили и усадили на ближайшую кованую новую скамейку, заботливо установленную вместо прошлогодней в рамках очередной волны реновации, которой народ дал емкое издевательское название «ихулица». В ожидании наряда «скорой помощи», дежурившего на Столешниковом переулке, коучер Сергей умело занял шестилетнего внука Александра игрой в «минутку» – нужно было по очереди за 60 секунд, засекая таймер на смартфоне, считать в проходящей толпе людей в одежде определенного цвета. Лидером, естественно, стал черный.

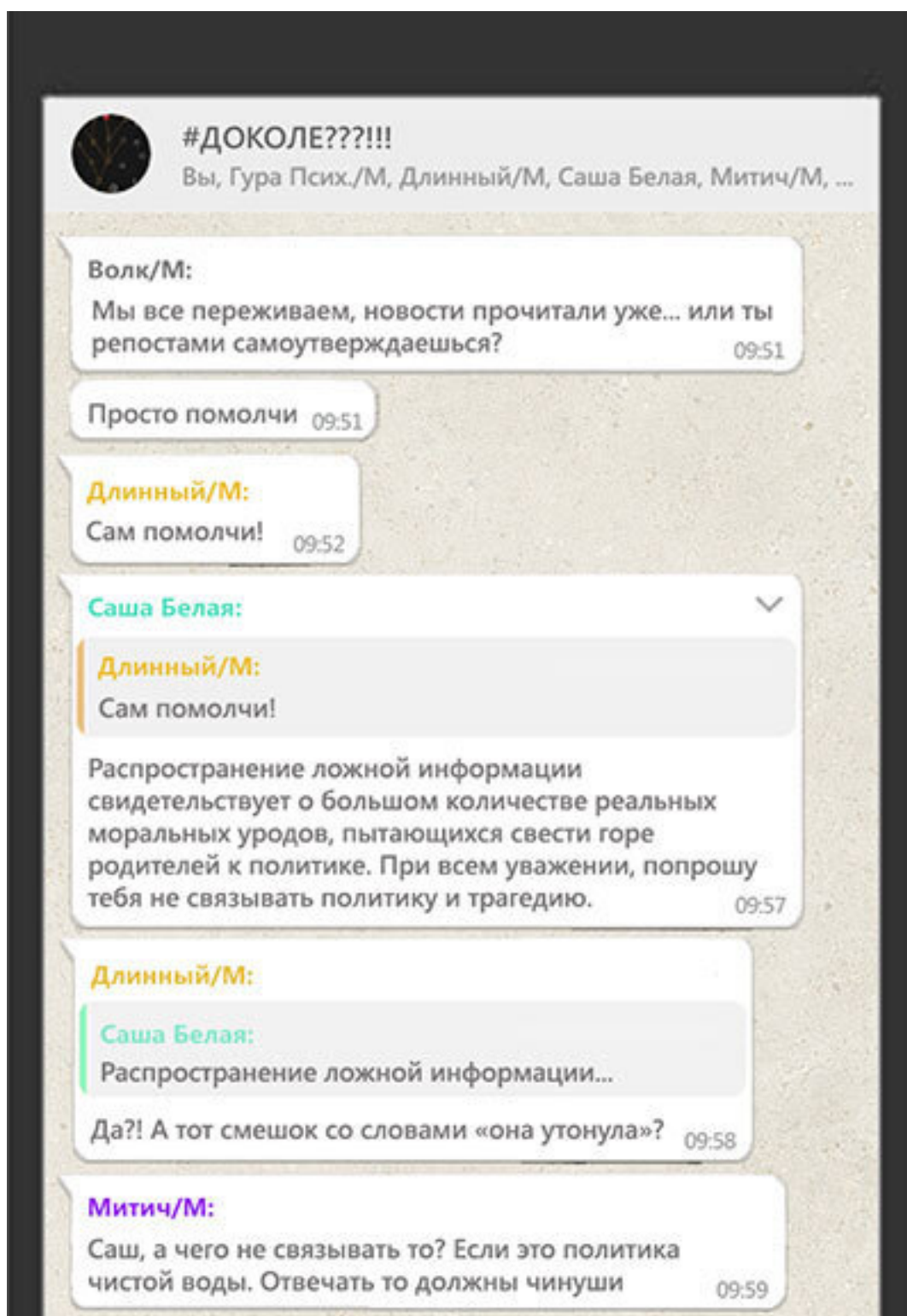
Убедившись, что всё под контролем, Андрей попрощался с новыми знакомыми и двинулся дальше. Концентрация людей с каждым метром увеличивалась, скорость движения снижалась. Так как идти до Манежной было еще долго, Андрей машинально достал телефон. В чате «Доколе????!!» было 217 непрочитанных сообщений.

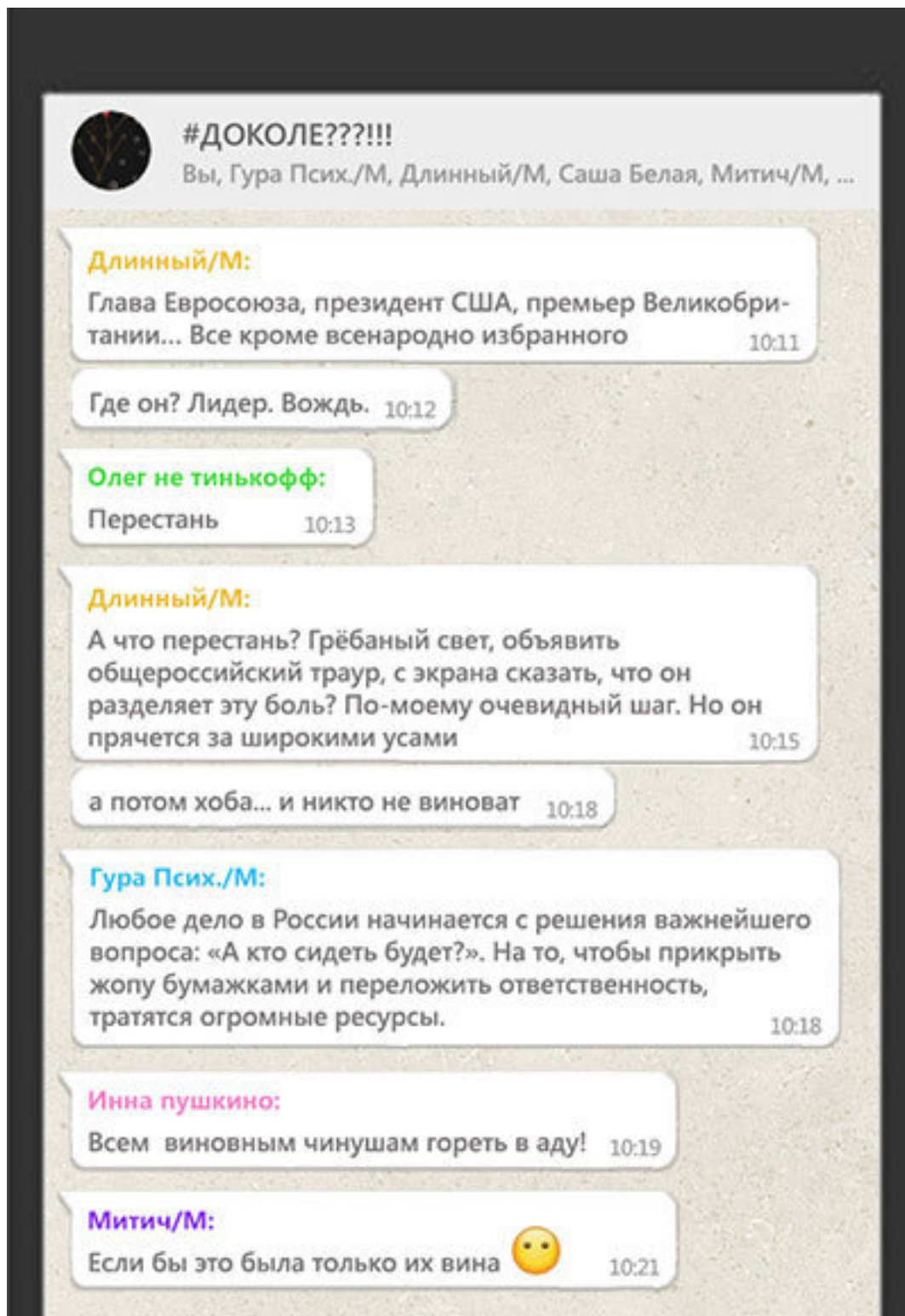

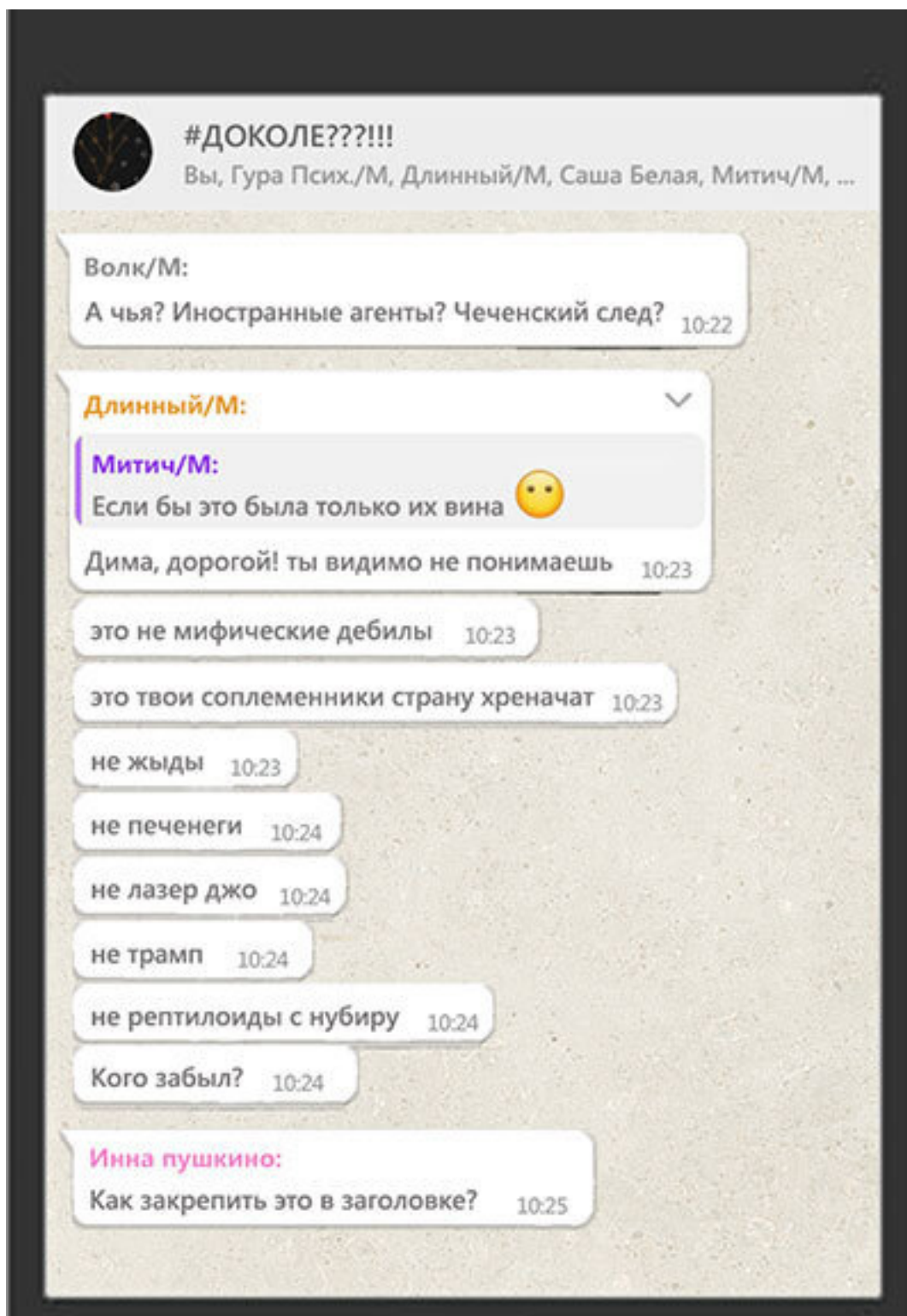

Несколько раз над головами пролетели вооруженные квадрокоптеры Росгвардии, словно око Саурана, безуданно следящие за обстановкой, готовые вмешаться в любой беспорядок и вызвать на подмогу ближайший наряд сослуживцев.

Но таких случаев не предоставлялось. Только один раз некая женщина с криком «Помогите, бьют! Полиция!» бросилась под ноги к группе атлетичных молодых людей. Толпа расступилась. Без единого слова, без суеты или испуга, течение обогнуло провокатора, позволив ему незаметно ретироваться.

Зачитавшись, Андрей не заметил, как оказался у края сцены. Она стояла на Охотном ряду, занимая всё пространство между зданием Государственной Думы и гостиницей «Москва». Прохода налево не было – в целях безопасности и во избежание давки потоки людей направляли на удаленные станции метро справа по ходу движения: «Александровский сад» и «Библиотеку им. Ленина».

Он уже собрался обреченно протискиваться в ту сторону мимо плотной стоячей собравшейся у трибуны массы людей, когда неожиданно сильная рука одернула за плечо.

– Что заставило вас выйти сегодня на улицу?

В первую секунду он увидел лишь ухоженную женскую руку с микрофоном в ореоле засветки от фонаря камеры, с забавным и, пожалуй, символичным шеллаком в виде тонкой прямой белой линии на черном фоне с одной сердечной пульсацией на среднем пальце.

– Почему вы здесь? – прозвучал вопрос, который в пору было бы услышать от апостола Петра.

– Мне не всё равно, – бросил он в ответ.

Повисла пятисекундная пауза, а затем слепящий свет погас.

– Послушайте, – корреспондент опустила микрофон и придвинулась интимно близко, практически шепча на ухо, – тут всем не всё равно, но так мы ничего не изменим!

Отодвинулась, еще раз оценивающе посмотрела, поправила непослушный локон и, пока добыча не отвела взгляд, потянула за руку.

– Как тебя зовут?

– Андрей.

– Пойдем!

Впоследствии наш герой не раз вспоминал этот момент и задавался вопросом, какая огромная череда взаимосвязанных событий привела его в это время, в это место, к этому микрофону?! Уму непостижимо! Почему эта упорхнувший ангел журналистики выбрала именно его и какими средствами протащила на сцену?

И вот он стоит перед толпой. Бешено колотящееся сердце по привычке успокоено сжатыми до боли кулаками. Нервный скачок давления спал. Мысли чисты, воспоминания тренингов ораторского мастерства загружены. «Какая у тебя цель? – Заставить людей задуматься о чем-то большем, чем одна трагедия. – Как ты это будешь делать? – Буду предельно честен и искренен».

– Здравствуйте.

Толпа заплодировала, подгоняемая изнутри модераторами, которым приказали поддерживать всех выходящих на сцену. Это позволило Андрею выдержать паузу, чтобы сконцентрировать внимание на себе. Удивительным образом, его никто не представил – просто марионеткой выставили к микрофону.

– Кто сегодня выступал на этой сцене? Депутаты? Звезды шоу-бизнеса? Слова соболезнования? – он намеренно произносил слова медленно, сквозь зубы. – Трагедию снова превратили в площадку для пиара.

Покачал головой и перевел дух.

– Я отец двух замечательных сыновей. Вчера, ложась спать, я представил, что мои, – приложил руку к груди, – МОИ дети оказались на этой проклятой барже. Я плакал, понимаете, плакал! То, что произошло, – ужасно! Пусть души их упокоятся с миром!

На этих словах Андрей склонил голову, держась рукой за стойку микрофона, и замолчал. Это было естественное, не постановочное движение, вызванное лишь необходимостью успокоить дрожащий от эмоций голос, но вокруг вдруг сделалось заметно тише.

– Что бы я хотел, случись это с моими детьми? Я бы хотел, чтобы понесли ответственность те, кто разрешил ресторану работать, кто обязан был проверять и следить за безопасностью, кто преступно закрывал на это глаза. Я бы хотел увидеть раскаяние. Где оно?! Где эти люди? Где губернатор, – произнес он, почему-то указав в сторону Кремля, – который выйдет сюда и честно расскажет, как всё это получилось в 500 метрах от его рабочего кабинета? Этого нет! Вы понимаете, нет! Совести не осталось, со-вести. Спрятались за своими кортежами и лицемерием! Но, наверное, надо быть конструктивными, – Андрей успокоил интонацию и ненадолго замолчал, собираясь с мыслями. – Надо задаться вопросом: что сделать, чтобы такая трагедия не повторилась? Ужесточать контроль? – он ухмыльнулся. – Не поможет! Это как с антибиотиками, к которым бактерии со временем становятся резистентными. Наверное,

многие из нас – вот такие бактерии. Человек, привыкший жить в условиях контроля, привыкает и выкручиваться, отмазываться от проверок и штрафов. Как он это делает? Да банально договаривается со всеми этими контролерами, откупается деньгами. Замкнутый круг. Можете назвать это дном – наше с вами общество достигло состояния, когда не главенствуют ни законы, ни понятия совести и чести. Только деньги. Одни готовы давать, другие – брать. Личный доход стал важнее сотен жизней.

Выступающий прервался, на секунду обернувшись на закулисный шум справа, откуда недавно сам вышел на сцену, как и все прошлые выступающие.

– Сейчас пройдут проверки, будут выданы предписания, кто-то получит награды. Но у людей короткая память. Через год всё вернется на круги своя... Вспомните, мы уже проходили уроки пожаров в торговых центрах, социальных учреждениях и больницах.

Оратор покачал головой и внезапно потерял мысль. В попытках заново ее нащупать он бросил взгляд в толпу и увидел несколько транспарантов с «мягкими» лозунгами недовольства властью, так как прямые призывы были запрещены и грозили уголовными делами.

– На мой взгляд, смена политической системы здесь не поможет, – поймал взгляд симпатичной брюнетки в первых рядах, державшей плакат «Пора», и улыбнулся ей. – Придут новые, выросшие в этой действительности, чиновники, и будут кормиться за счет привыкших к этой действительности «нечиновников».

Он показательно, хотя в этом не было ничего наигранного, задумался, потупив взгляд и медленно поправив волосы на лбу раскрытой ладонью.

– Нужны системные изменения, но... другие!

Еще одна пауза, в которую успел поместиться классический, отчетливо слышимый плач ребенка.

– Я узнал интересное определение в финансовой сфере – «нравственные инвестиции». По прогнозам, такие вложения денег и сил «со смыслом», в полезные для общества начинания, должны победить беспорядочную торговлю с одной лишь целью быстрой наживы. Обязаны победить! Вот такие инвестиции должно делать и государство. Вкладываться в человеческий капитал, чтобы в обществе возвращались понятия морали, чести, совести. Чтобы культивировалась честность по отношению к себе и окружающим. Тогда в каждом следующем поколении будет больше людей, для которых это будут не пустые слова. Которые будут уважать человеческую жизнь, свободу и результаты труда других людей. Которые будут, исходя из этого, писать правильные законы и честно исполнять их. Которые будут понимать свою ответственность за то, что они делают, будь то работа плотника, инспектора безопасности или премьер-министра.

Квадрокоптер завис в 20 метрах напротив и уставился на него неморгающим глазом камеры. Андрей сглотнул слюну, чтобы победить сухость, вдруг образовавшуюся в высушенном речью горле, но взгляда не отвел.

– Остается вопрос: как сделать этот тектонический сдвиг? Мне кажется, уже сегодня власть должна своим примером показывать стандарты поведения. Не скрываться за корочками и стеклами автомобилей, не требовать для себя особых привилегий. Это сделает ее человечней, что ли, – приблизит к гражданам, даст шанс доверять. Сложно? Да, понимаю! Во-вторых, это надо пропагандировать. Давайте менять посыл и повестку СМИ! Пусть на экранах вместо радостных отчетов о новой тысяче метров газопровода будут сюжеты про научные прорывы и достижения молодых ученых. Пусть вместо поиска во внешней политике врагов и оправданий будет трезвая оценка ошибок и успехов во внутренних делах. Пусть взамен пропагандирующих АУЕ криминальных сериалов будут образовательные и культурные передачи. Ну, а главное – нужно меняться самим, транслировать нормы поведения своим детям и окружающим. Что нельзя выбрасывать окурки из окон машин – я каждый день вижу, как десятки водителей делают это, причем в равной степени из новых «мерседесов» и из потрепанных «лад». Что неуважительно заходить с едой и напитками в залы заседаний...

Он не мог знать, но в этот момент Вероника Сергеевна, Людмила Владимировна и Юлия Юрьевна – заслуженные, напыщенные работники социальной сферы, собравшиеся в ОНФ за круглым столом обсудить угрозы, которые интернет несет молодежи, синхронно поперхнулись канаве, захваченными из зоны кейтеринга.

– Что ты всегда несешь ответственность за то, что ты делаешь. Что результаты твоего труда нужны, и от них зависит если не жизнь других людей, то, как минимум, ее удобство и качество. Я знаю, и сегодня, среди вас, я видел много открытых и честных людей. Мне кажется, еще далеко не всё потеряно!

Он не завершил речь ни победным кличем, ни мотивирующим возгласом – нет! Просто еле заметно улыбнулся, насколько это было возможно сделать сквозь маску человека, опустошенного эмоциями и горечью, тихо спустился по лестнице, протиснулся между жужжащей массы техников сцены, не ведавших о воцарившейся на площади тишине, и ушел.

Надо заметить, что, пока Андрей выступал, вокруг происходило преинтереснейшее действие. Молодой офицер госбезопасности, оставленный начальством следить за плановыми согласованными выступлениями звезд, за курением сигареты в отведенном для этого месте не сразу распознал подвох от ведущих, а когда распознал, тут же бросился на сцену в порыве прекратить сие похабное действие и крамолу на власть. Однако прямо перед сценой он был перехвачен опытным администратором, который доходчиво объяснил ему последствия получения статуса мученика или святого человеком, которого вяжут на глазах у телекамер и тысяч зрителей. Лейтенант хотел было выключить микрофон, сославшись на техническую неисправность, но на его сигналы на пульте вдалеке лишь развели руками, то ли не понимая указаний, то ли делая это намеренно. В итоге смотрящий решил, что безопаснее будет не накалять обстановку, позволить речи закончиться, но дать телевизионщикам рекомендацию не использовать запись выступления. С этой гениальной идеей он убежал к трейлерам телеканалов.

Бойцы Росгвардии, стоявшие в оцеплении, заметили речь раньше, но в отсутствие приказа вмешиваться не решились, а к концу выступления многие из них развернулись и вместе со всей толпой с интересом смотрели на сцену.

Глава 3

Остановив запись, Ренат, не глядя, аккуратным движением положил телефон на подоконник. Выходить на балкон он не планировал, поэтому наблюдал за происходящим на улице из приоткрытого окна, расположенного буквально в двухстах метрах от сцены. Правая створка рамы отворилась внутрь лишь на треть и верхним углом уткнулась в тяжелую штору, благодаря чему эта конструкция естественным образом бесшумно гасила легкие порывы северо-западного ветра, подгонявшего толпу в спины и время от времени мечтавшего ворваться в комнату сквозняком.

Помпезный, уже изрядно обшарпанный интерьер квартиры на 4-м этаже достался нынешнему хозяину от прошлых владельцев, но вполне его устраивал, так как времени здесь он проводил немного. Поработать за ноутбуком допоздна, поспать, размяться на вело- и гребном тренажерах, если не успел или не захотел идти в фитнес-центр, принять душ – все эти обыденные действия можно было выполнить в спокойной, камерной обстановке.

Сейчас же, немного подумав, он поднес телефон к губам в так называемом «стиле помещика», как будто пил чай из блюдца, и произнес «Влад». Трубку сняли дисциплинированно, ровно через 2 гудка, и Ренат, всё так же задумчиво держа телефон перед собой, произнес: «Ты видел?»

– Да-да, классный чувак, – бодро отозвался телефон. – Один в этой клоаке смог вызвать эмоции. Заметил – ему не аплодировали. То есть, в хорошем смысле, – зависли даже эти чертовы массовики-затейники, как их по-научному... короче, инициаторы хлопанья в толпе. Блин, я такого не помню! Достучаться до этих мозгов дорогого стоит!

– А еще, кажется, он подготовленный, – сказал Ренат, и после пяти секунд паузы добавил: – Попробуем?

– Давай!

– Ок. Тогда собери информацию и закинь Маше, я ей сейчас всё расскажу.

Звонок послушно прервался.

* * *

Маша взяла трубку далеко не сразу. В ее привычке было выматывать и убаюкивать собеседника минимум двадцатью секундами заунывной мелодии гудка. В этот раз «зажигали» ранние Gorillaz:

*And they're turning us into monsters,
Turning us into fire,
Turning us into monsters,
It's all desire,
It's all desire...*

Потом вдруг атмосферу разорвал звонкий голос.

– А, Рен, привет!

– Маш, тебе к вечеру Влад скинет инфу. Пожалуйста, оцени шансы. В понедельник обсудим, – разом выпалил Ренат, иначе разговор мог перерасти в долгую светскую беседу.

– Да, хозяин! Будет сделано! – игриво пролаяла Маша и рассмеялась.

Ренат улыбнулся. Она знала эту свою слабость – тягу к долгим и пространным дискуссиям, поэтому старалась быть максимально собранной, даже в такой дружеской, но всё же деловой беседе.

– Только у меня сегодня планы...

– Я и не прошу заниматься этим прямо сейчас. Ты же умница и профессионал, всё успеешь! Всё, давай!

* * *

На следующий день в 12.00 Ренат стоял у панорамных окон своего кабинета и через металлический каркас, поддерживающий нависающую крышу бизнес-центра, наслаждался видом старых кварталов внутри Садового кольца: как по залитым солнцем спинам разновысотных крыш медленно плыл темный след небольшого облака. Глаза радовал объем этой картины, сложные деформации тени, когда она заползала на очередное строение или проваливалась в нишу сквера, «выключая» яркое трепетание листвы тополей на ветру. Он знал, что все вычислительные мощности его компаний, все его прорывные технологии, сколько бы ни старались, не могли произвести столь четкую, яркую картинку и эмоции, которые давал один лишь мозг. Это воодушевляло.

Группа инновационных компаний «Инверт» подхватывала и развивала все технические новации, которые появлялись в мире, адаптируя их к условиям отдельных стран, режимов и потребностям заказчиков. В структуре была фабрика по выпуску БПЛА – дронов и квадрокоптеров различных модификаций; дивизион робототехники, разрабатывающий и производящий промышленных роботов; центр компетенций по IoT – созданию защищенных систем связи и сенсоров, находящийся в партнерстве с ведущими мировыми производителями продуктов для интернета вещей; химико-фармацевтическая лаборатория; блок возобновляемой энергетики и еще двенадцать подразделений разного, но всегда инновационного профиля.

Это сделало ГК «Инверт» чуть ли не самой передовой компанией страны, в которой уже мечтали работать лучшие выпускники избранных технических вузов. Добавляла очков личность Рената. В узких кругах его считали гением и, в связи с непубличностью, окружали слухами. Ему нравилось сравнение с Илоном Маском, хотя, по факту, их бизнес объединял лишь интерес к современным технологиям.

Управляющей команде «Инверта» удавалось соединять все эти новации вместе, создав ряд продуктов для разных отраслей экономики и государственного управления, но особенно – для силовых ведомств. К примеру, за порядком на вчерашнем митинге следили именно боевые квадрокоптеры их производства. И Ренату доставляло особое удовольствие осознание того, что свою неформальную деятельность он спонсировал именно за счет отщипывания от силовых и оборонных статей бюджета.

– Ну, что у нас есть? – произнес он, выйдя из оцепенения и разворачиваясь к собравшейся команде.

На лице была улыбка, потому что общаться со старыми, креативными, профессиональными, активными, веселыми друзьями всегда было приятно.

– Да, собрать было нетрудно...

Вместе с первыми словами Влада круглая платформа с четырьмя креслами, амфитеатром развернутыми в сторону окна, из которых обычно можно было наслаждаться видами города, повернулась на 90 градусов влево, к медиасистеме, и хозяин кабинета аккуратно сел на свободное место с краю.

– Если коротко, Моряков Андрей Константинович, 37 лет. Семьянин, двое сыновей, – Влад провел по экрану смартфона, который уже привязался к знакомой Wi-Fi-сети, и на стеклянную перегородку, внутри которой был замурован огромный дисплей, прозрачный в выключенном состоянии.

ченном состоянии, тут же продублировался экран с первым слайдом. – Немного увлекается рыбалкой.

– Вредные привычки?

– Наркотики, табак – чист. Да, в целом, нормальный мужик. Может выпить, но не злоупотребляет. Судя по расходам по карте, два-три раза в месяц заходит с друзьями в крафтовый бар. Вот, позавчера был.

На этих словах, произнесенных с вполне одобряющей интонацией, на экране появился желтый слепок (копия) личного кабинета банка.

– А это законно? – сощурившись, Маша в упор посмотрела на бывшего силовика, невольно в очередной раз обратив внимание на вроде бы привычный, но всё еще постоянно приковывающий взгляд шрам у уха.

– Конечно! – с издевкой парировал Влад. – Если обратите внимание, здесь нет персональной информации. Мне просто поручились, что это кабинет именно нужного физического лица, – последние три слова он произнес нарочито прерывисто. – К слову, юридических лиц на нем нет.

– Тааак, – протянула Маша, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть детали, как будто качества и размера картинка не хватало. Это движение, скорее, позволяет нам сократить обзор и сосредоточиться. – Еда, коммуналка, детские товары, одежда, транспорт. Фи, скучно!

– Но есть кубышка! – Ренат рассмеялся и ткнул в строку депозита в нижнем углу. – С Минфином найдет общий язык!

Сам он не одобрял «лежания денег без дела», но статистика говорила, что такое поведение было особенностью менталитета старшего поколения и, на удивление, свежего поколения X.

– Я тебе больше скажу, есть вторая кубышка! – тут же воодушевленно подхватил Влад. – Пташки принесли, что имеется тайный депозит в зарплатном банке. Возможно, копит на машину или что-то ещё. Расходов там нет, так что уличать в плохом поведении не будем. Что касается жизни... Чтобы раскопать шкаф со скелетами, нужно время пообщаться с людьми. Так что пока только официальное. Как у любого нормального москвича, имеется регулярная административка из 1–3 автомобильных штрафов в квартал. Считать это тенью на репутации, наверное, нельзя...

– По-человечески нельзя, но руками СМИ, как говорится, было бы желание, – пробурчала Маша.

– Налоги платит вовремя, кредитная история – ужасная! 3 раза брал займы у банка небольшие суммы и все три раза быстро гасил. Невыгодный клиент.

В этот момент Ренат поднялся, подошел к кофемашине, попутно бросив взгляд друзьям, и, получив один утвердительный кивок, поставил две чашки эспresso.

– Я бы вообще отметил какой-то избыток ежедневного прагматизма. Прямо галочки можно ставить: задача – выполнена, задача – выполнена.

– То есть, персонаж скучный и не пойдет?

Шум помола кофе заставил всех на несколько секунд замолчать и позволил собраться с мыслями, после Маша сразу взяла обсуждение в свои руки:

– Я бы не была так категорична. Даже если взглянуть на его соцсети, видно, что человек интересный. Как минимум, нет этого проклятого самолюбования, – она надула губки и изобразила постановочное селфи. – Да, постит в Инсту и ФБ всякие свои конференции и достижения старшего сына, плюс категорично высказывается по повестке дня. Вообще, процент уникального контента у него высокий, репостов мало, и – заносим в плюс – многое про благотворительность.

Она отпила глоток из личной бутылочки воды, предварительно протерев горлышко салфеткой.

– В ВК было интересней, но давно.

– То есть?

– Неактивен. Последние 5 лет получает поздравления с днем рождения, и всё. Но по молодости много креативил. Например, фотошопил друзей и разные другие фотки. Один хэштег #алтухинг чего стоит... это в честь одного назойливого местного кандидата, рассовавшего буклетики в почтовые ящики. Они с сыном их разрисовывали, превращали во всяких смешных пиратов, монстров и рептилоидов. Тема продержалась полгода и вышла за круг друзей.

– В общем доступе?

– Нет, конечно, старые альбомы закрыты, потому что там много крамолы на близких. Но, сами понимаете, получить доступ не проблема.

Маша глубоко вздохнула. Разговор снова заставил ее осознать отсутствие «личного пространства» в цифровом мире, о чем она, будучи оптимисткой, регулярно забывала.

– Что с профессиональными навыками?

– Инженер, Бауманка, – практически хором прозвучали голоса Влада и Маши.

– 10.0 за синхронность! – улыбнулся хозяин.

– С образованием всё хорошо – не отличник, но уверенное окончание университета по биомедицине, – продолжил Влад.

– Хочешь сказать, что вчерашняя пламенная речь – это было сошествие Святого духа?

– Не-не-не, – подхватила Маша, – наш человечек любит общение, и от сидячей бумажной работы отказался. Продажи, – она развела руками. – Точнее, директор по развитию. Толкает технологичные медприборы – выступает, ведет переговоры. Короче, каждый день подпитывается общением с людьми.

– Была еще прослойка 1 год 5 месяцев в виде должности в областном департаменте здравоохранения, но не пошло, – добавил Влад.

– По психотипу пока инфы нет, так как мои лучшие пока спят, но прикинули поведенческую модель по DISC. Получается явная смесь I и D. Обычно открытый, дружелюбный человек, но если ставит себе какую-то цель, идя к ней, может легко приносить жертвы или плевать на детали. Это надо еще подтвердить, но постоянные посты достижений старшего сына как бы намекают. Не удивлюсь, если на рабочем столе компьютера тоже фотка детей.

– На телефоне есть такое, – подтвердил Влад.

– Это соотносится с твоим наблюдением про прагматизм. Но, как я сказала, D иногда ради цели проявляет нерациональность. Мои девчонки, – Маша покосилась на него, – распали одно письмо на имя президента, в котором он описывает плохое состояние диагностирования и медицины в целом, критикует действия чиновников и их косность в части внедрения новых методов и технологий, предлагает стратегию решения этой проблемы и себя как человека, который может встать у руля этой трансформации. Разумный, кстати, документ. Но ради этой амбиции он поставил под удар и себя, нарушив корпоративную этику, и своего работодателя – дойди письмо до Минздрава, компания бы получила бо-о-ольшой негатив.

– А вот это мне нравится! – Ренат резко встал и подошел к окну. – Думаешь, он готов к авантюрам? Мы же его жизнь кардинально трансформируем, как он хочет.

– Риски, Рен, но я за. Всяко лучше предыдущего...

– Я – за! – после раздумий произнес Влад, откинувшись на спинку кресла. – В конечном счете, обнулить проект представляется несложным.

Ренат оперся руками на спинку своего кресла, на 15 секунд застыл со склоненной головой, а затем, резко выпрямившись, выпалил:

– Хорошо, тогда действуем! Влад, быстро вычисти эту фигню из ВК – как, решай сам, но лучше незаметно. И продолжай копать глубже – не может он быть кристально чист, а нам бы хорошо это всё предупредить, пока СМИ не прознали. Найди всё по госслужбе – чем зани-

мался, почему ушел. Там каждая мелочь несет риск репутации. Надеюсь, его не сажали на закупки под определенный проект, иначе мы его от этого говна в жизни не отмоем.

– Маш, что сейчас с активностью?

– Выступление популярно в соцсетях, около 40 записей с суммарным просмотром в 190 000. Но ТВ не подхватило и не копнуло поглубже, так что пока видео обезличены.

– Тебе домашняя работа – присвой явлению имя. Создай толпе положительный образ. Что там выпячивать – смотри сама. Молодой, но с опытом, активный, знает технологии, без политических окрасов, – вопросительно покосился на Влада.

– В партиях не состоит.

– ...без политических окрасов, семьянин. Вообще, сильных позиций много. Давайте пока действовать на волне хайпа, а в понедельник жду предложений по дальнейшим шагам. Деньги, как всегда, по паролю «НИР» (научные исследования Рената) через Елену Владимировну, – этого главбуха знали немногие работники ГК, но те, кто знал, из уважения не называли никак иначе, кроме как по имени-отчеству.

– Всё, поехали!

Друзья встали и направились к выходу.

– Нет, когда-нибудь о нас выпустят сериал, – на прощание задумчиво бросил Влад.

– Мистический, на РЕН-ТВ, – засмеялась Маша, застегивая сумочку.

– И назовут Mash, – подмигнул Ренат, пожимая руку подруги. В холл через приоткрытую дверь вырвался раскатистый хохот.

* * *

Когда команда вышла, хозяин устроился в эргономичное ложе капсулы сна – спонтанно проведенная ночь имела отголоски, – но, перед тем как закрыть кокон, представив себя героем сериала, будто Фрэнк Андервуд, повернулся к несуществующей камере и произнес:

– Зачем я это делаю, спросите вы? Во-первых, я хочу хорошего будущего для своих детей и детей моих близких. Во-вторых, я считаю, что любой застой ведет к заплыванию жиром и к потере связи с действительностью. Чтобы двигаться вперед и развиваться, кто-то всегда должен напрягать эту зажавшуюся власть, выводить ее из зоны комфорта. «Раскачивать лодку», если вам угодно. И... я могу себе это позволить!

Он сделал глубокий вдох и закрыл кокон, погрузившись в покой. Со стороны лишь казалось, что в звенящей тишине кабинета звучит мелодия «Сансары»:

*Когда меня не станет,
Я буду петь голосами
своих детей.
И голосами их детей...*

Глава 4

3 июня, понедельник

– Пап, пап, тебя по телеку показывают.

Мелкий запрыгнул поверх одеяла и принялся яростно щекотать и щипать отца.

– Отстань!

– Вставай! Вставай! Мама говорит вставать!

Андрей резким движением мешком захлопнул одеяло над головой сына и принялся в ответ его мутузить под общий хохот.

– Будешь знать, чебурек, как будить папаню!

Это было чем-то вроде утреннего ритуала рабочего дня. По негласной договоренности жена вставала раньше и давала Андрею поспать лишние полчаса в обмен на возможность подольше поваляться в кровати в выходные, а дети с удовольствием выполняли роль будильников.

Отец свесил ноги с кровати, сел, высоко потянулся и снова рухнул назад под весом повисшего сзади Мишки.

– Что ты там сказал про телевизор?

– Даня, это... мультики включил, а там тебя показывали. Мы посмотрели.

Сын поднял и опустил плечи, как будто извинялся.

– Интересно хоть было? – папа улыбнулся.

– Не-а! – и Мишка резко накрылся одеялом. – Ищи меня!

– Пошли умываться! – Андрей потеревил живой комок и направился в ванную принять душ.

Когда через несколько минут он вышел на кухню, жена отпустила ручку сковороды с румяными сырниками и крепко поцеловала мужа. Естественно, она знала, что он был в субботу на шествии, но о выступлении не говорил, и теперь, после этого утреннего сюрприза, в ее груди в очередной раз вспыхнуло чувство гордости за него.

Андрей в ответ обхватил любимую ниже талии и без особого интереса спросил:

– Целиком показали?

– Не знаю. Там были слова про «что, если бы это были мои дети!», что виновные должны понести ответственность, и призыв к совести губернатора.

– Ясно, вырезали, что было нужно.

Лиза поставила тарелку с завтраком и чашку кофе перед севшим за стол мужем и обняла его, прижавшись губами к виску. Вдохнула и обдала волосы горячим дыханием:

– Ты все равно молодец!

Поедая, как всегда, восхитительный завтрак жены, который вместе с ее любовью давал заряд энергии на целый день, Андрей представил, сколько слов о произошедшем придется выслушать в ближайшее время.

* * *

Гудок телефона по громкой связи заполнил все динамики авто.

– Маш, видела по «Первому»? Твоя работа?

Ренат говорил и одновременно резво крутил рулем, протискиваясь на своем «Макане» сквозь 5 рядов стоящих автомобилей, которые в попытке повернуть на узкий съезд перекрыли все остальные полосы на кольце.

– Что? – ответил заспанный голос.

– Ясно, не твоя... Маш, «Первый»! Посмотри! Отзвонись сразу.
Через пятнадцать минут, когда он подъезжал к офису, Маша перезвонила.

– Нашла?

– Конечно, ты ж мне сам в аналитику систему поиска по видео поставил.

Надо сказать, что, имея доступ ко всем передовым разработкам, Ренат не упускал случая использовать их для своих «благих» дел, тем более что это было самым прямым и эффективным их тестированием. Вот и сейчас Маша говорила о системе распознавания лиц и голоса, которая умела работать с гигантским потоком данных в онлайн-режиме и создавалась консорциумом российских разработчиков в попытке догнать китайских друзей, далеко ушедших вперед в сфере контроля, мониторинга безопасности и параллельно – социального ранжирования граждан. Маше достаточно было нажать кнопку и сузить зону поиска фильтрами, и ее система бренд-аналитики, взяв фотографии человека из профайла, находила все видео с ним, размещенные в СМИ и приравненных к СМИ социальных сетях.

– И что скажешь?

– Скажу, что это неожиданно. Я набрала Юлю с «Первого» – рекламщики говорят, что заплачено с какого-то серого ООО. Судя по посылу сюжета, это или кто-то из федералов, или местный конкурент «копает» под действующего губернатора.

– Круто!

– Ты же понимаешь, что по этой линии продолжения, скорее всего, не будет.

– Понимаю, поэтому и не хочется терять момент! Но, честно говоря, как-то... стремно ускоряться с непроверенным человеком.

После этих слов раздался возглас «сука!», и Ренат по-итальянски экспрессивно махнул рукой на водителя, летевшего по полосе для общественного транспорта и чуть было не снесшего ему крыло, когда он собирался повернуть в переулок направо.

– Прости, Маш, не тебе! – Рен рассмеялся, возвращаясь в разговор.

– Я поняла.

– Так что ты думаешь о нашем подопытном?

На другом конце около 15 секунд не подавали признаков жизни, так что Ренат начал беспокоиться, но только он собрался что-то сказать, громкая связь ожила.

– Я сама его посмотрю.

– Э-э-э! – растянутое восклицание Рената наложилось на звук V8, быстро ускоряющегося по переулку.

– Не волнуйся, ты же не забыл про мое альтер эго! Квалификацию журналистики поддерживать надо – мама всегда говорила, что это у меня лучше всего получается, – она хихикнула.

– Всё равно опасно.

– Не волнуйся, – уже более настойчиво ответила Маша, – я аккуратно. Забегу к своему стилисту – оформит так, что ты сам меня не узнаешь! К вечеру нам будет понятно, кто такой Андрей Моряков и много ли он из себя представляет.

– Хорошо, – сказал он спокойно, заезжая на подземную стоянку офиса, как будто в мгновение ока сбежал из стресса пробок в зону домашнего, а точнее, рабочего комфорта.

* * *

– Доброе утро.

– Ну вот, начинается! – подумал Андрей, ощутив долгий и пристальный провожающий взгляд охранника на проходной.

Он не понимал, как люди могли самовольно выбирать эту нудную работу, этот путь деградации, сидя на КПП весь день? На конференциях по цифровой трансформации уже лет пять говорили, что более миллиона охранников стоит в первых рядах на замещение технологиями,

равно как и не менее 40 % госслужащих, занятых только документированием и подтверждением и так известных статусов граждан и организаций. Базы данных, контроль доступа на основе камер с распознаванием лиц, IoT системы со смарт-датчиками показывали в разы большую эффективность во всех функциях обеспечения безопасности. А вся эта работоспособная масса людей должна была заниматься созданием товаров и добавленной стоимости. Нужно было только время.

Когда он поднялся, было без 15 минут 9, и по офису уже разносился аромат свежесваренного кофе. Пространство огромной комнаты с несколькими колоннами-подпорками было организовано в формате open space на 90 человек, где каждой рабочей группе принадлежал свой отдельный уголок. И лишь трое руководителей, среди которых был и Андрей, имели отдельные звуконепропускаемые, но тоже прозрачные кабинеты.

Он пришел в компанию 4 года назад на должность sales-менеджера, но на следующий год с подъемом волны импортозамещения именно по его инициативе фирма начала разработку и производство своего оборудования, плавно трансформировавшись в IT-компанию, оказывающую услуги по интеграции современной техники в медицинские учреждения. В определенный момент этой локальной цифровой трансформации Андрей встал у ее руля в ранге директора по развитию, сохранив за собой пул собственных заказчиков.

Виляя между столов по дороге к кабинету, который находился в дальней части офиса, Андрей задержался у кофемашины, а пока ждал приготовления капучино, успел изучить приоритеты и дедлайны по продуктам на 3 дня, размеченные стикерами на магнитной доске. Идея повесить доску именно в этом месте и дублировать на нее в аналоговом виде ход и ближайшие цели Scrum/Agile-разработок была гениальной, потому что в ограниченном пространстве закуска в ожидании кофе сотрудникам ничего не оставалось, как вспоминать и разучивать текущие задачи коллектива и важность своей роли в них.

В этот момент подошла Юля – руководитель проекта, относительно новый член команды, которая именно по этой причине, несмотря на близкую и неформальную обстановку в коллективе, до сих пор обращалась к нему по имени-отчеству.

– Доброе утро, Андрей Константинович.

– Доброе, Юль.

Она молча налила молоко в стакан, чтобы взбить капучино, выдавила в чашку порцию мятного сиропа, заранее подвинула к себе баночку с корицей и не спеша, плавно опустила ладони на стол. Андрей из глубины ниши следил за ее размеренными движениями, не отрываясь, как будто это был магический ритуал, исполняемый именно для него. И правда, когда Юля закончила приготовления, а машинка прекратила, жужжа, корпеть над кофе Андрея, Юля, не глядя на собеседника, сказала:

– Спасибо за субботу... Я там была.

– За что спасибо, Юль? Я не сделал ничего особенного.

– Это вы так думаете, – она произнесла с небольшой задержкой, лукаво взглянула и улыбнулась, а когда он, размешав сахар, направился к себе с кружкой в руках, бросила вдогонку: – Посмотрите YouTube. Вас просто еще не узнали!

– Ок, спасибо! – он в знак благодарности, не оборачиваясь, поднял вверх свободную левую руку.

* * *

Как иногда бывает приятно осознавать свою значимость для людей, для мира. Сев за стол, Андрей тут же открыл ноутбук, ввел пароль, быстро прокликнул оповещения Outlook, CRM и проектной системы, открыл YouTube и, немного подумав, ввел «митинг 1 июня».

Сеть выдала 703 записи. Причем в топе просмотров был только один ролик не с его выступлением – видео приглашения на шествие от известных медиаперсон.

Записи оказались сделаны с разных ракурсов, и Андрей вспомнил, как они с женой, в кои-то веки, выбрались осенью на концерт Coldplay, и как весь вид из партера на сцену состоял из сотен экранов смартфонов людей, которые вместо танцев и наслаждения музыкой стремились запечатлеть свою причастность к данному событию и заполнить пустоту лент своих соцсетей. Странно, в субботу он таких не заметил.

В этот момент зашел Сергей, начальник закупок, и Андрей Константинович, всё-таки досмотрев до конца одну из видеозаписей, с головой ушел в рабочий процесс. Когда он, после нескольких совещаний, одного brainstorm, сеанса видеосвязи и пары звонков заказчикам вышел из этого состояния, на часах было 12.25, а на телефоне высветился незнакомый номер.

– Я слушаю, – Андрей расслабленно откинулся на высокую спинку своего эргономичного кресла, ожидая возможности потроллить очередного коммивояжера из какого-нибудь тульского call-центра.

– Андрей Константинович, добрый день. Меня зовут Дарья Блонова, я редактор портала «Ноб». Знаете такой? – мягкий голос собеседницы с поставленными интонациями располагал к себе.

– Да, конечно, знаю, – мозг проводил миллиарды вычислений, пытаясь выработать стратегию поведения, отчего заставлял подчиненное тело растягивать паузы между словами.

– Хорошо.

Он хотел было по привычке спросить, откуда у собеседницы его номер, но благоразумно решил, что найти контакт, тем более представителю СМИ, с которыми ему не раз приходилось работать, было несложно. К тому же, причина звонка была очевидна.

– Тогда к делу, – заключила Дарья. – Я хочу взять у вас интервью. Сегодня. По теме субботнего выступления.

– Я... я, в целом, не против... но что мы будем обсуждать? Политику? Общество?

– Мне, точнее, нам, в редакции, пока что просто очень интересны лично вы как человек. Ваши взгляды, ваши убеждения. Я не могу, да и рано говорить о выходе какого-то конкретного материала. Давайте для начала просто пообщаемся.

– Давайте.

– У вас есть поблизости какое-нибудь тихое место, где можно перекусить?

– Вам с вином? – в его голосе проскочила нотка заигрывания.

– Нет, нет, кофе будет достаточно.

– Тогда напротив офиса есть неплохая кофейня со свежей выпечкой и здоровыми салатами. Там днем обычно мало народу.

– В 14 вас устроит?

– Договорились.

– До встречи!

Он положил трубку и глубоко и надолго задумался, заложив руки за голову и уставившись почти не моргающими глазами в ровную белизну натяжного потолка. Демон амбиций со стороны левого плеча, роль которого опосредованно исполнял булькающий кулер у стены, подсказывал, что этот момент может быть началом очень больших перемен в его жизни – перемен, которые каждый день будут заставлять делать сложный моральный и этический выбор. Перемен, которые повлекут отказаться от привычного уклада вещей. Стоят ли они этого?

Дух (или тоже демон?) прагматизма, с другой стороны, подавая сигнал изредка мигающим светом неисправного потолочного спота, который еще на прошлой неделе должны были заменить, говорил, что амбиции того не стоят, и не надо выходить из сложившейся зоны комфорта. Он говорил о семье, необходимости уделять время детям, бытовых обязанностях, о том, что всё в жизни должно развиваться поступательно, а не революционным путем.

Как быть? Андрей повернул голову направо. Офис кипел жизнью: в переговорной руководитель проектного центра оживленно что-то объяснял подчиненным и коллегам из программного отдела, то и дело всплескивая руками; в небольшой общей релакс-зоне, где имела открытая часть остекления, маркетологи развешивали варианты логотипов для новой линейки эндоскопического оборудования; технический директор что-то настойчиво втолковывал юристам из отдела участия в закупках.

– Даша Блонова, Даша Блонова, Да Шаблонова...

Произнеся скороговорку, наш герой улыбнулся. Неожиданно для себя он решил представить всё судьбе – пусть будет как будет, а он, как обещал себе, будет честен перед собой и окружающими.

Свет моргнул, кулер слева одобрительно булькнул.

* * *

Ровно в 14:00, когда Андрей зашел в кофейню, он был уже изрядно голоден. Как и предполагалось, посетители отсутствовали, лишь за одним из дальних столиков – тем, что приютился у окна, визуальнo отгородившись от остальных подпирающей крышу деревянной сваей, – сидела потрясающей красоты девушка в клетчатых брюках, подчеркивающих линию бедер, практически белой рубашке и со сдержанно рыжими, но всё-таки сильно контрастирующими с одеждой, волосами. Их взгляды пересеклись, и она улыбнулась в знак того, что он не ошибся.

– Тяжело, когда только один из людей при встрече знает другого в лицо. Регулярно сталкиваюсь, – Андрей подошел к столику, успев по дороге расстегнуть верхние пуговицы плаща, и слегка сжал по-деловому протянутую руку собеседницы.

– Удел медийных личностей, – она пожалала плечами, не отрывая от него взгляда, – теперь вы на этой стороне.

Андрей повесил плащ и, заказав у подошедшего бармена латте с чабрецовым сиропом, готовый салат «Цезарь» и круассан с козьим сыром, присоединился к собеседнице.

– Вы давно ждете? – этот вопрос был задан скорее из вежливости, так как по отсутствию еды было понятно, что ее заказ еще не был исполнен.

– Нет, не переживайте, – она всё так же оценивающе смотрела на него, отчего Андрею сделалось не по себе. – Простите, – на мгновение отвела взгляд, – просто очень интересно, что заставило такого человека, как вы, говорившего до этого только на корпоративные, профессиональные, коммерческие темы, вдруг выступить с такой открытой политической речью? Готовились?

– Я смотрю, меня уже изучили?

– Вы не представляете, на что способны системы бренд-аналитики! – на этой фразе она чуть подалась вперед, а уголки ее губ снова приподнялись, выражая довольство ситуацией.

– Отчего же, вполне представляю, мне приходится работать с продвижением товаров и персон.

Дарья подняла и тут же одобрительно опустила брови, а затем достала телефон из сумочки, сделанной из какого-то технологичного материала, вроде неопрена, и положила его на стол экраном вверх, чтобы интервьюер обратил внимание на запущенное приложение диктофона.

– Не против?

– Мне нечего скрывать!

Она снова взглянула на него в упор.

– Вы становитесь всё более интересны, Андрей Моряков, – включила запись и тут же, словно преданный пес, не расслышавший команды хозяина, наклонила голову в вопросе. – Так что, готовились к выступлению?

– Не поверите, но нет, не готовился! Я вообще не понимаю, как оказался на сцене... Если, как в студенчестве, пытаться описать произошедшую череду событий с помощью математического аппарата, теории вероятностей... это будет фиаско! – он рассмеялся.

– То есть это было провидение?

– Можно и так назвать.

Бармен учтиво принес оба заказа вместе, чтобы избавить собеседников от неловких моментов, – а он на опыте видел их интерес друг к другу и перспективу долгого разговора.

– Тогда это означает, что вы сформировали свою позицию гораздо раньше.

– Хм... да, пожалуй... Я отвечу так: мы с вами живем в век... хотя нет – с исторической точки зрения – в момент замечательной технологической трансформации. На бытовом уровне она, фактически, уже прошла – айфоны, дом, управляемый с колонки, покупка акций с дивана. В промышленности сложнее и медленней, чисто из-за необходимости наследования – построить новую роботизированную фабрику – ок, а вот разом переделать пятидесятилетний, двухкилометровый сталелитейный цех, чтоб там все аппараты стали умными, а люди носили очки дополненной реальности – на это надо время. Ну, и самое сложное оказалось во власти – здесь «цифровизацию» многие понимают, но она сталкивается с сопротивлением. А почему? Потому что технологии ведут к прозрачности и возвращают чиновнику статус простого смертного, слуги народа! Ты теперь не держатель судеб дорог и арбузных палаток – нет, ты теперь обслуживаешь тех, у кого проблемы в работе с госинформсистемой, которая тебя заменила. Вот этот сдвиг сознания, потеря статуса у людей проходит тяжело. Ты ж раньше как – подрезал кого-то на дороге на своем «круизере», достал корочку депутатскую, погрозил стволом, если что – позвонил своим в УВД. А тут запись со всем этим через 20 минут уже на каком-нибудь телеграм-канале, и вся страна видит. И ты уже для своих токсичен. Когда каждый день видишь вот такие проявления личностей из поколения чиновников, когда каждый день обсуждаешь это с коллегами и друзьями в WhatsApp, отношение к власти формируется само собой.

Говоря всё это, Андрей сдержанно жестикулировал руками, отмеряя на столе отрезки проблематики, а когда обращал взгляд в сторону собеседницы, всё время обнаруживал, что она пристально, не отводя глаз, смотрит на него.

– Самое интересное, что это всего полтора-два поколения людей, которые физически разучились жить в открытом мире.

– Насколько я знаю, у вас самого был период работы чиновником. Это как-то повлияло на мировоззрение?

– В моральном плане это принесло только разочарование. Там в большинстве своем работают хорошие люди, но они не видят шанса роста, потому что наверху сплошное кумовство, и одновременно не уходят, потому что слишком теплые места, выслуга лет. Такая работа, не приносящая ни удовольствия, ни пользы.

Дарья еще несколько секунд помешала кофе деревянной палочкой, а затем вытерла ее салфеткой, педантично положила рядом со стаканом и откинулась на спинку стула, прислонившись головой к деревянной свае и скрестив руки на груди.

– Вас интересно слушать, Андрей. Скажите, вы не хотели попробовать себя в политике?

– Никогда к этому не стремился, хотя, если честно... возможно, это отголоски кризиса среднего возраста... в последнее время всё больше хочется чем-то запомниться в истории. Чем-то хорошим.

– Что, был кризис?

– Нет, не особо. Я привык жить целями – поставил себе цель из разряда достижимых и идешь к ней. И как-то грех жаловаться. Семья, сыновья, жилье – всё ок, всё по плану, – он

развел руками. – Когда видишь результат, позитив сохраняется. Да и вообще, я не сторонник погони за материальными благами.

– То есть сейчас цель в нематериальной сфере?

– Хм... мечтаем о домике у моря. Но это, скорее, разговор про комфорт существования, домик – средство.

– Ок, давайте про семью.

– Всё хорошо, у меня любящая жена, которая во всём поддерживает, и отличные пацаны. Я не скажу, что отношения прямо идеальные, – он нарочито выпятил последнее слово, – но всё в порядке, спасибо.

Андрей на некоторое время замолчал, проводив взглядом группу подростков, расходившихся по домам с расположенной неподалеку баскетбольной площадки.

– Это очень круто – чувствовать поддержку родных, гордиться их достижениями. Постепенно приходишь к пониманию, что семья – высшая ценность и человека в отдельности, и общества.

Она чуть не поддалась на эту лирику, но вовремя собралась и, оперевшись локтями на стол, задала как будто спонтанный, проходной вопрос, который, тем не менее, вернул рабочую атмосферу.

– Просто ради интереса – у вас на рабочем столе стоит фото детей?

Андрей подумал, что распознал скрытый смысл вопроса, всё-таки тренинги продаж не проходили даром, но не подал вида:

– Стоит, – он активировал телефон отпечатком пальца и показал экран. – Сын в апреле завоевал медаль на своих первых соревнованиях по самбо.

Она одобряюще кивнула и, извинившись, что хочется есть, принялась за овощной салат. Андрей решил не отставать. Но уже через несколько порций собеседница застыла с занесенной вилкой в руке, покрутила ее, будто рассматривая кусок огурца, хотя ничего необычного в нем не было и в помине, и неожиданно произнесла:

– Как ваши близкие воспримут, если вдруг завтра у вас начнется политическая карьера?

Видя удивленный вопрос в глазах напротив, она добавила:

– Почему я об этом говорю? Потому что, по моему опыту, вас уже сегодня могут взять в ротацию и начать раскручивать определенные силы... Вы же всем интересны с вашими взглядами – власти, оппозиции, националистам, домохозяйкам... да всем! Свежая кровь. Возьмите утренний репортаж... по моей информации, это камень в огород губернатора от его противников, и вы здесь – просто средство. Но на этой волне можно подняться очень высоко...

– Семья меня в любом случае поддержит. Но... ведь я правильно понимаю, что это скорее про меня и мои амбиции?! – после этого риторического вопроса он на мгновение задумался. – Я не вижу причин не использовать момент. Риски, нагрузка – это всё равно поступательное движение, вектор развития, а это хорошо. Выдержу ли? Не знаю. Смогу ли сохранить человеческое лицо? Точно буду стараться...

Порыв ветра ударил в стекло брызгами мелкого дождя, и в тени тучи умные лампы сразу заботливо загорелись над столами теплым, уютным светом. Случайные прохожие еще около 40 минут могли видеть за стеклом кафе двух молодых людей, активно беседующих друг с другом. Когда же разговор закончился, мужчина помог даме надеть пиджак, подошел к барной стойке и сразу прикоснулся телефоном к ридеру:

– Я заплачу!

– Не стоило, я не настолько бедный журналист.

– Ну, всё же...

Понимая, что пора завершать разговор и возвращаться к рабочим делам, они обменивались последними фразами уже на пути к выходу.

– Андрей, вы не будете против, если я всё-таки выпущу материал с вами? Без согласования, уж простите.

– Не знаю почему, но я вам верю, Дарья! Поэтому – да, я согласен.

Выйдя на улицу, она раскрыла зонт, а он остался под козырьком кафе, планируя добежать до подъезда.

– Тогда мне остается дать вам последнее напутствие: не спешите отдавать свой голос какой-нибудь силе – а они накинутся сразу, – она положила руку ему на сердце, – набивайте цену себе самому. И не изменяйте себе, у вас всё получится!

– Спасибо.

– Мой номер у вас есть. Не теряйте и звоните, когда будет проблема выбора. Но предупреждаю – я могу не отвечать. До свидания!

– До свидания, было приятно пообщаться!

– И да... будьте активны в соцсетях.

Дарья развернулась, быстро скрылась за углом здания, энергичной походкой добежала до машины, ожидавшей в квартале вниз по переулку, резко плюхнулась на заднее кресло, которое, как по команде, выдвинуло подставку для ног и приняло анатомическую форму знакомой фигуры хозяйки, и слегка запыхавшимся, возбужденным голосом надиктовала в телефон:

– Рен, я знаю, ты слышал в облаке! Даже если не слышал, знай – я его запускаю! Расшифровку уже делают.

Вечером того же дня, когда семейные люди уже ложатся спать, по соцсетям разлетелась статья «Субботний герой: человек, который остался человеком», и мир узнал, кто такой Андрей Константинович Моряков.

Глава 5

6 июня

«*For whom the bell tolls...*» Андрей в отличном настроении практически взбегал по ступеням, барабанил пальцами по перилам в такт гитарным рифам эпохальной композиции «Металлики» с симфоническим оркестром, которая всегда продолжала крутиться в голове после объемного и качественного звука в машине.

К четвергу наш герой впервые почувствовал и в полной мере ощутил объем собственного самолюбия, виной чему было постоянное внимание со стороны знакомых, коллег, рабочих партнеров и СМИ. По стечению обстоятельств, в общественных местах он за это время не появлялся – и слава Богу, потому что народной любви ему хватало и без тысяч рукопожатий. Дошло до того, что прошлой ночью он был вынужден выключить телефон, который даже на беззвучном режиме раздражал загорающимся каждые несколько минут экраном.

Одновременно всё это внимание придавало сил. Андрей дал пару телефонных интервью и получил огромное количество слов поддержки в соцсетях. Но главное – его полностью поддерживали друзья и родные.

Когда сегодня утром он от лица компании участвовал в круглом столе по вопросам развития медицинского кластера на Неделе здравоохранения в Государственной Думе РФ, к его мнению был повышенный интерес, в отличие от всех прошлых встреч.

На мероприятии Андрей снова убедился в оторванности власти от реальной жизни: пока депутаты и их помощники говорили о важности принятого ими на днях после двух лет обсуждения закона об электронных медицинских картах и перспективах, которые он открывает, специалисты из реального сектора тихим криком отвечали им, что этот закон нужен был лет пять назад, а сейчас электронная история болезни уже есть во всех уважаемых клиниках, а до государственных больниц и поликлиник не дошла как раз из-за законодательной «улитки» и непрофессионализма при создании единой медицинской информационной системы.

Дискуссия, после нескольких таких выступлений «от сохи», сколько ни пытались удерживать ее модераторы в русле «успехов отрасли», естественным образом сместилась в сторону недостатков медицины в целом.

Несколько участников, – а Андрей отмечал, что таких людей с честью и совестью, не боящихся говорить в лицо власти неудобные слова, становилось всё больше, – напрямую обвинили государство в уничтожении бесплатной медицины и вспомнили, кроме всего прочего, вопиющие примеры назначения «эффективных менеджеров» на должности заведующих, которые буквально за год доводили клинические больницы до состояния разрухи, при этом урезая оклады медперсонала, а себе назначая зарплаты в 600 тысяч рублей и миллионные премии.

Андрей, перехватывая устремленные на него взгляды собравшихся, чувствовал, что многие ждут его мнения по острым социальным вопросам, но когда один из докладчиков напрямую попросил его прокомментировать тему проблемных закупок жизненно важных препаратов, наш герой решил не поддаваться на эту провокацию.

Он извинился перед собравшимися, что не имеет права говорить о вещах вне своей зоны компетенции, отнимая время выступлений у других докладчиков, но согласился с необходимостью кардинальных изменений в системе здравоохранения.

Его выступление про технологические тренды в отрасли началось с кейса из личной практики – задачи, которую они с директором одного из НИИ обсуждали около месяца назад: гаджеты – часы и фитнес-браслеты, которые мы и наши дети носим ежедневно, позволили снимать данные о нагрузках, сердечном ритме и содержании сахара в крови, и в режиме реального времени транслировать их врачу. Но врачи не знают, как с этим работать! Они привыкли судить о состоянии пациента по срезам анализов в 2–7 дней и не понимают, что делать с непрерывной

кривой данных. А самое страшное, что их до сих пор никто не учит и не предлагает никакой технологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.